

А. Е. Козлов

*Новосибирский государственный
педагогический университет*

**«АХШАРУМОВСКИЕ ВАРИАЦИИ»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
«В МРАЧНОМ ЗАМКЕ НАБОКОВА» ***

В заключительной статье исследовательского цикла «Ахшарумовские вариации» в русской литературе» в гипотетическое поле вводится соотношение двух отстоящих по времени и литературному статусу фигур. Рассматриваются «имплицитные» и «эксплицитные» связи, объединяющие истории двух семейств – Набоковых и Ахшарумовых. Дмитрий Ахшарумов – фурьерист и социалист 40-х годов – был осужден по делу петрашевцев, в то время как его брат – критик и писатель Николай Ахшарумов, не участвуя в политической борьбе своего времени, был очевидцем и свидетелем происходящих событий.

Статья строится на гипотезе, предполагающей включение некоторых биографических обстоятельств семьи Ахшарумовых в эстетическое сознание Владимира Набокова. Рассматривая сюжетные вариации через «историю приема» (в частности, «присвоение героя» и «металепсис»), мы приходим к выводу об очевидных тождествах в маргинальной для своего времени эстетике беллетриста Ахшарумова и поэтике Набокова.

В завершение статьи подводится предварительный итог изучения ахшарумовских вариаций.

Ключевые слова: ахшарумовские вариации, фабула и сюжет, классика и беллетристика, вторичность и альтернативность, русская литература XIX века, Набоков.

И в эту минуту вдруг шум, беготня со звоном ключей, и окруженный своею свитою, как привидение, стал перед нами Набоков.

Д. Д. Ахшарумов. «Из моих воспоминаний»

Предметом рассмотрения настоящей статьи являются отстоящие друг от друга не только по времени, но и по значению в истории культуры фигуры: писатель

---

* Заключительная статья в цикле исследований имплицитных связей между мотивами, сюжетами и характерами прозы Николая Ахшарумова и поля классической русской литературы второй половины XIX века (см. также: *Козлов А. Е. «Ахшарумовские вариации» в русской литературе: история войны 1812-го года // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 58–65; Козлов А. Е. «Ахшарумовские вариации» в русской литературе: Лазарь, выйди вон // Сюжетология и сюжетография. 2017. № 1. С. 150–160.*

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, alexey-kozlof@rambler.ru)

и критик Николай Ахшарумов (практически забытый, наряду со всей редакцией журнала «Всемирный труд», в свое время популярными и востребованными массовым читателем беллетристами), его брат, писатель и доктор медицины, Д. Д. Ахшарумов и В. В. Набоков, чьи произведения занимают значительное место не только в современном элитарном, но и массовом сознании. Соположение таких фигур представляет с точки зрения классической истории литературы явный диссонанс, который преодолевается, если вслед за формалистами рассматривать эту историю в отрыве от аксиологии «...как историю развития художественного приема» [Шкловский, 1989, с. 54]. Такое рассмотрение подразумевает восстановление часто не очевидных диахронических связей и позволяет установить возможные варианты опосредованного влияния, в котором не последнюю роль играют биографический контекст и, в частности, история семьи.

* * *

В 1905 г. на волне изданий мемуаров «первых русских социалистов» выходит одно из наиболее подробных сочинений-исповедей участника кружка М. В. Буташевича-Петрашевского – Д. Д. Ахшарумова. Автор сочинения – бывший фурьерист и востоковед, врач, достигший после выхода из арестантских херсонских рот степени доктора медицины, – посвятил свои воспоминания заключению, судебному процессу, гражданской казни и ссылке. Описывая пережитое с медицинской точностью, постоянно меняя оптику, переходя от объективного позитивистского исследования к тончайшим экзистенциальным переживаниям, Д. Д. Ахшарумов после Ф. М. Достоевского¹ стигматизировал еще одну страницу опыта петрашевцев – опыта одиночного заключения. Вместо ключевого для авторского самосознания Достоевского движения от «мы» к «я», от «другого» к «другому другого» Ахшарумов утверждал некоторую общую идентичность *петрашевца*, воплотив ее в своих мемуарах.

В то же время фабула самого дела, ставшая более отчетливой после смерти большинства его участников, показана Ахшарумовым беспристрастно. Мемуарист осознавал свою ответственность за совершенные поступки – он не только произносил речи на обеде в честь Фурье, но и дал подробные признательные показания – таким образом, текст его воспоминаний глубоко исповедален. Три речевые маски, три авторские фигуры, в равной мере заявляющие о себе на страницах воспоминаний: *социалист, писатель и врач*, – постоянно изменяют оптику, позволяя осмыслить пережитое непосредственно и опосредованно – на значительной дистанции.

Важную роль в мемуарах Ахшарумова играют действующие лица политической драмы, среди которых Л. В. Дубельт, И. Я. Ростовцев, И. П. Липранди, довольно важное место занимает и комендант Петропавловской крепости, ставший председателем следственной комиссии по делу петрашевцев, генерал И. А. Набоков.

В воспоминаниях Д. Д. Ахшарумова генерал Набоков упоминается с симпатией и сочувствием: «...комендант Набоков посещал иногда наши кельи, желая удостовериться лично в нашем благополучном проживании в командуемой им крепости и показать тем свою заботливость о нас»². Вероятно, пристальное внимание к фигуре И. А. Набокова и попытка объективного осмысления его деятельности могли стать одной из причин того, что книга хранилась в личной библиотеке депутата первой Государственной Думы, одного из лидеров конституционно-демо-

¹ В приговоре петрашевцев фамилии Достоевский и Ахшарумов соседствуют.

² *Ахшарумов Д. Д.* Из моих воспоминаний. СПб., 1905. С. 51.

кратической партии, племянника И. А. Набокова – В. Д. Набокова³. Логично предположить, что, дорожа историей своей фамилии, В. В. Набоков также обращался к этой книге, что могло «по касательной» привести его к произведениям брата Дмитрия Ахшарумова – Николая. О нем мемуаристы единогласно отзываются как о фигуре, не ангажированной политическими программами: «философ и писатель, идеалист сороковых годов в лучшем смысле слова, литератор *rig sang*, которому интересы истины всего дороже, для которого слова “красота” и “идеал” не звук пустой»⁴. Как мы показали ранее [Козлов, 2015], негативная литературная репутация Н. Ахшарумова определилась еще при его жизни: автора часто обвиняли в эпигонстве и несамостоятельности, его романы называли надуманными, а героев – ходульными. В биографическом очерке, близком к жанру некролога, Вл. Сорокин писал: «На долю скончавшегося 18-го августа 1893 года <...> выпало со стороны литературного мира гораздо менее внимания и справедливой оценки, чем эта деятельность в действительности заслуживала, если к ней присмотреться поближе»⁵.

Кажется закономерным, что ни в романах, ни в публицистике Владимира Набокова Николай Ахшарумов не упоминается; логично предположить, что, если Набоков и знал о существовании этого писателя, он посчитал за благо о нем не писать. Такой прием умолчания являлся констатацией литературной смерти. Очевидно, что в отличие от того же Чернышевского, униженного, но не исключенного из большой истории литературы, играющего, скорее, страдательную роль в романистике Сирина [Долинин, 2004], Ахшарумов со своей репутацией посредственного эпигона не мог сколько-нибудь удовлетворять литературному вкусу Набокова. Кроме того, после ухода из жизни сначала Николая, а потом Дмитрия, произошло малообъяснимое наложение или «стяжение имен» двух братьев, чьи жизненные пути *post mortem* стали восприниматься как единое целое. Например, В. Б. Шкловский писал: «Когда-то петрашевец Ахшарумов, которого Добролюбов считал соперником Достоевского, когда-то Ахшарумов написал роман “Натурщица”» [Шкловский, 1983, с. 250]. Если в первой части фразы речь идет об авторе «Воспоминаний» (названных в републикации «Записками петрашевца»), то во второй разбирается творчество Николая Ахшарумова.

Если предположить, что Набоков, как и Шкловский, мог воспринимать Ахшарумовых как одну фигуру, то становится очевидным, что возможной причиной умолчания могли быть как посредственное качество произведений Николая Ахшарумова, так и его ложная репутация социалиста и петрашевца.

Однако, обращаясь к истории приема, можно констатировать, что завязь многих исключительно авторских решений, определяющих уникальность поэтики Набокова, парадоксально образовалась во второстепенной русской литературе и, в частности, произведениях Н. Д. Ахшарумова.

«Игрок» vs «Защита Лужина». Повесть «Игрок» представляет собой постро-мантическое произведение, сюжет которого основан на многочисленных отсылках к «Пиковой даме» А. С. Пушкина. Главный герой Гейнрих Миллер (контраминация Германна и Генриха Гейне) вследствие очередного проигрыша становится мономаном, в сознание которого вторгается иной, шахматный мир, заменяющий действительность. Вдыхая пары опиума, Гейнрих становится участником шахматных поединков, играя в них роль автора и героя: «Он быстро осмотрел пози-

³ Книга обретается в личной библиотеке В. Д. Набокова (шкаф XVI, № 3521).

⁴ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь. СПб., 1889. Т. 1. С. 989.

⁵ Сорокин В. Биографический очерк // Сочинения Н. Д. Ахшарумова. Библиотека Север. СПб.: Изд-во Е. Евдокимова, 1894. Т. 1. С. IV. См. также: Быков П. В. Ахшарумов Николай Дмитриевич [Некролог] // Нива. 1893. № 37. С. 833.

цию и, заметив, что дивизион неприятельской кавалерии пробирается ему в обход, собиравшись уже сделать шаг направо, как вдруг чья-то невидимая рука предупредила его желание, и, ловко ухватив за голову, проворно его переставила»⁶. Таким образом, оказавшись в фикциональном мире, буквально иссеченном границами различной плотности, Миллер занимает лиминальное, заведомо ложное положение относительно иных граней реальности. Неслучайно значительное место в романе отведено описанию санскритского кодекса, регулирующего отношения игроков в эмпирической и игровой (шахматной) действительности: «Истинный любитель шахматной игры, садясь за шахматную доску, должен забыть все мелкие интересы, всю пёструю обстановку личной жизни и, создав себе чисто отвлеченный, чисто разумный мир деятельности, независимый от внешнего случая, в нём искать единственного высокого наслаждения <...> Всякое подчинение этой игры каким бы то ни было побочным самолюбивым мстительным или корыстолюбивым видам есть рабство, унижительное для её высокого смысла и гибельное для её чистого постепенного развития...»⁷.

Став самым успешным игроком Германии, Миллер становится свидетелем и обвиняемым на «им же созданном суде». Показательно, что в защитной речи Миллер утверждает, что окончательно не уверен в фактичности шахматного мира, предполагая, что и кодекс, и поведение населяющих видимый мир фигур – плод его расстроенного воображения.

Логично предположить, что шахматная игра имеет в произведении дискурсивный смысл и представляет метафору творчества. В этом контексте финальное отречение Гейнриха от шахмат, сожжение его неопубликованного трактата и превращение расчетливого бюргера в бескорыстного гения Игры демонстрирует не менее важную границу, осмысление которой становится особо значимым в критике и беллетристике Ахшарумова 60-х годов.

Разумеется, несмотря на свою любовь к шахматам и собственному пониманию поэзии шахмат, Ахшарумов воспроизвел в повести внешнюю сторону игры; в то время как развитие сюжета чуждо шахматной логики. Однако уже здесь классический романтический прием, открывающий двоимирие (точнее, многомирие) произведения, буквально «расшатывает» привычную границу, отделяющую фикциональный мир от эмпирического. Фабула произведения обнаруживает ряд очевидных корреляций с набоковским романом «Защита Лужина» [Карпов, 2002], при этом особенно любопытной кажется общая семантика мотива: и у Ахшарумова, и у Набокова шахматный мир – это дискурсивная метафора, посредством которой преодолевается вульгарный психологизм реалистической эстетики [Лаврова, 2016].

«Натурщица» vs «Набор». В этом отношении показательной становится повесть «Натурщица», в которой автор делает шаг от эстетики игры к эстетике художественного слова⁸. Как и в «Игроке», основная эстетическая задача произведения заключается в утверждении альтернативного по своей фикциональности мира и присвоении героев из внеположенной тексту действительности.

Изначально не очевидная коллизия взаимоотношений автора и героя является сюжетообразующей: юридическая фикция, по авторскому определению, становится следствием всеобщей фикциональности художественного текста. Подобное измерение меняет расстановку сил: дневник, с которым знакомится читатель, становится дневником женщины, буквально изъятый из эмпирической действитель-

⁶ Ахшарумов Н. Д. Игрок // Отечественные записки. 1858. № 11. С. 55.

⁷ Там же. № 12. С. 513.

⁸ Этот способ мышления, вообще органичный для Ахшарумова, эксплицирован в названии первой части романа «Мудреное дело»: «Между словом и делом».

ности и вследствие этого ставшей героиней романа. Ахшарумов практически доводит до абсурда основной принцип натуральной эстетики и реальной критики и в то же время демонстрирует условность тождества между фикциональной и реальной жизнью.

Бедная чиновница, вдова Елена Григорьевна Алищева излагает свои переживания в дневнике: «Одним росчерком вашего пера вы можете меня вычеркнуть из числа существующих, одним почерком сделать несчастнейшею из женщин»⁹. На протяжении повести Ахшарумов развивает мотив этической ответственности автора перед своими героями. Существовая на ином содержательном уровне, персонажи не могут опротестовать решения автора, безоговорочно покоряясь им и реализуя их в своей жизни. В отличие от повести «Игрок», где многочисленные границы фактически отменяли иерархию, а герой мог свободно перемещаться от инстанции автора к инстанции героя, в «Натурщице» эта, по выражению повествователя, «мифологическая конструкция» утрачивает свою равновесность, определяя сильную позицию автора.

Тем не менее Ахшарумов демонстрирует попытку такого нарушения и «бунта» героя. Подобно Миллеру, призвавшему себя силой своего воображения на суд справедливости, Алищева инспирирует судебный процесс, направленный против Фёдора Чуйкина – автора, нажившего значительное состояние на издании книг о жизни Алищевой. Судебный процесс начинается со слов, утверждающих фактичность героя в противовес условности художественного мира: «Я думаю, всякий из вас согласится, что не будь госпожи Алищевой здесь перед вами и, стало быть, вне романа, не существой она независимо от фантазии автора, написавшего этот роман, не было бы и иска, потому что вымышленное лицо не может действовать иначе, как в границах вымысла, которые явно не могут вместить протеста против самих себя»¹⁰. Выслушав приговор, Чуйкин парирует: «Замысловатый ваш приговор имеет один грешок. Желательно знать: на каком основании вы, председатель суда, вовсе несуществующего в действительности и составляющего у нас какую-то юридическую мистерию, присваиваете себе власть судить представителей нашей литературы... Вы угрожаете выгнать меня из сферы действительной жизни? Ха! Ха! Ха! Влезьте-ка сами в нее сперва, в эту сферу, а потом уже выгоняйте оттуда других!»¹¹.

Таким образом, оба произведения Ахшарумова объединены сходным приемом, который справедливо именовать *присвоением героя* [Бахтин, 2000]. Ахшарумов буквально реализует формулу, несколько позже данную в «Подростке» Достоевского: его герои не только переходят «...из мечтательной формы романа в рассудочную форму действительности»¹², но и, напротив, осознавая мнимость действительности, полностью подчиняются художественной условности. Кроме своих экспериментальных произведений Ахшарумов осуществляет сходный принцип в детективном романе «Концы в воду» и в авантюрном романе «Мудрёное дело». Знакомство с героями здесь, как и в «Натурщице», начинается с дневниковых записей: так утверждается фактичность слова, предшествующего событию. Наиболее ярко это реализовано в романе «Мудрёное дело». Закончив чтение повести «Гувернантка», герой рассуждает: «Эта Рулева у меня из головы не выходит. Всю ночь видел ее во сне, и – странная вещь! Каждый раз в тесной связи с романом Марьи Петровны! При этом фигурка ее героини, Нади, то совершенно

⁹ Ахшарумов Н. Д. Натурщица // Отечественные записки. 1866. № 7. С. 108.

¹⁰ Ахшарумов Н. Д. Натурщица // Отечественные записки. 1866. № 7. С. 200.

¹¹ Там же. С. 204.

¹² Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1990. Т. 8. С. 221.

сливалась с лицом моей новой знакомой, то отделялась в виде особого экземпляра или какого-то двойника, материально-самостоятельного, во всём остальном тождественного»¹³. Несмотря на то, что сюжет романа «реалистичен», в этом и подобных описаниях можно видеть очевидные отсылки к «Игроку» (появление чёрной королевы), «Двойнику» (распадение сознания героя) и «Натурщице» (тотальная фикциональность, побеждающая эмпирику).

При оригинальности такого художественного эксперимента и самого приема, в котором можно видеть завязь металеписа, можно констатировать, что писателю не хватило не только мастерства на уровне общей стилистики художественного текста, но и осознания тех основ модернистской поэтики, которые окончательно сложились только к концу XIX века. Сам беллетрист не обладал сколько-нибудь законченной эстетической концепцией, для создания самостоятельной – его писательской интуиции оказалось недостаточно. Именно поэтому его произведения не вошли в большую историю литературы, а герои, при всей преднамеренности такого решения, считались ходульными, сюжеты, в оценке критики, – неправдоподобными, занимательными, сказочными.

Однако, следуя формалистской логике, можно констатировать, что сами приемы, используемые Ахшарумовым, показали свою жизнеспособность в модернистской парадигме. Большинство из них, взятых на ином стилистическом и семантическом уровне, находят мастерское воплощение и в прозе В. Набокова, заставляя вспомнить фабулы рассказов из цикла «Весна в Фиальте» и его метароманы, в частности роман «Дар».

Таким образом, говоря об «Ахшарумове в замке Набокова», мы имеем в виду не только узника Алексеевского равелина, оказавшегося во власти генерала И. А. Набокова, но и скромного чиновника канцелярии военного министерства, чьи сюжеты могли найти отражение в бесконечно разнообразном лабиринте индивидуально-авторской творческой системы В. В. Набокова. Безусловно, это дает новые основания для интерпретации сюжета романа «Приглашение на казнь», где наряду с авторским текстом Достоевского ключевую роль начинают играть мемуары петрашевцев и беллетристика этого условно выделяемого политического круга¹⁴. Как пишет по этому поводу С. Ф. Кузьмина, «воссозданная в романе Набокова публичная казнь (подготовка к ней, переживания героя в момент ее ожидания, пробуждение души, обретение нового, высшего смысла жизни в тот самый момент, когда она должна по чужой воле прерваться) указывают на гражданскую казнь самого Достоевского, к которой был причастен (вот парадокс истории русской литературы!) брат прадеда В. Набокова генерал И. А. Набоков» [Кузьмина, 2003]. Во многом соглашаясь с выводами исследователя, мы, тем не менее, полагаем не совсем справедливым суживать поле интерпретации исключительно фи-

---

¹³ Ахшарумов Н. Д. Мудрёное дело. Из летописей русской словесности. Роман: В 3 ч. СПб., 1864. С. 217. Эта идея обретает характер художественной формулы в литературе XX века. См. у Г. Гессе: «...казалось, через какое-то время мое изображение полностью перетечёт в его и останется только одно. Ему суждено было расти, мне – умяться <...> вымышленные фигуры оказываются живее и реальнее своих творцов» (Гессе Г. Путешествие к земле Востока / Пер. с нем. Е. Шукшиной. М., 2010). Свое преломление она получает и в поэтике русского модернизма (Л. Добычин, К. Вагинов, М. Булгаков и др.).

¹⁴ Мы полагаем, что в ткань набоковского романа вплетены мемуарные свидетельства следующих участников кружка М. В. Буташевича-Петрашевского: Ф. Н. Львов, А. И. Пальм, И. Л. Ястржембский. Центральное, образующее место занимают воспоминания Ф. М. Достоевского, Д. Д. Ахшарумова и, наконец, самого М. В. Буташевича-Петрашевского. К последнему источнику восходит, в частности, мотив маскарада и переодевания, имеющий, как нам кажется, не карнавальный, а психиатрический смысл [Радько, 2005; Таганова, 2007].

гурой Ф. М. Достоевского. Как было показано выше, в ассоциативно-эстетическое поле романа входят не только художественные тексты, создающие нарочито ложные проекции на биографию писателя, но и периферийные контексты, в том числе связанные с представленным выше сюжетом.

* * *

Сказанное позволяет сформулировать несколько предварительных выводов.

1. История семьи становится неотъемлемой частью истории литературы. Особую роль в этой истории играет так называемая «семиотика ошибки» [Меднис, 2011], связанная с наложением отстоящих друг от друга фигур и впоследствии определяющая завязь новых сюжетов. Возникающее ономастическое стяжение демонстрирует влияние на сюжет факторов из внеположенной ему реальности.

2. «Погрешности» литературной репутации, обнаруживаемые при диахроническом анализе (т. е. при изучении истории приема), определяют суггестивное (не интертекстуальное) поле вариаций, имеющих как ретроспективный (И. А. Набоков и Д. И. Ахшарумов), так и проспективный (В. В. Набоков и Н. Д. Ахшарумов) смысл.

3. Несмотря на некоторую общность литературной карьеры (оба писателя осознавали свою принадлежность к дворянскому роду, оба были демонстративно внепартийны, оба были свидетелями социально-политической катастрофы, затронувшей их семьи, оба искали альтернативные пути в художественной прозе своего времени, не ограничивая свой кругозор существующими концепциями, оба создавали романы-палимпсесты (или метароманы), оба – шахматисты и авторы шахматных задач), литературная судьба и литературная репутация Н. Д. Ахшарумова и В. В. Набокова различны. Несвоевременность предлагаемых приемов определила эпигонский статус беллетриста XIX века, в то время как эксперименты Набокова и на уровне эстетики, и на уровне обслуживающей ее стилистики составили ему посмертную славу.

Любые аргументы в пользу изложенной в этой статье гипотезы, существующей между каламбуром и концепцией, дают не только важный комментарий к основательно фундированным текстам Набокова, но и изменяют исследовательскую оптику в отношении забытого, но необычного писателя – Николая Дмитриевича Ахшарумова, чье творчество, по всей видимости, переживает сегодня в литературоведении ренессанс¹⁵.

Список литературы

Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Academia, 2000. 300 с.

Володина Н. В. Н. Д. Ахшарумов как литературный критик: методологический аспект // Череповецкие научные чтения – 2016: Материалы Всерос. науч.-практ. конф.: В 3 ч. Череповец, 2017. Ч. 1. С. 23–24.

Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004.

---

¹⁵ Актуализация имени Ахшарумова в современном отечественном литературоведении в первую очередь связана с исследовательским проектом группы ученых из Череповецкого государственного университета «Неисследованные “имена” в русском литературном процессе второй половины XIX века: Н. Д. Ахшарумов как прозаик и литературный критик» [Володина, 2016; Лаврова, 2015].

Карпов Н. А. Творчество В. В. Набокова и традиции литературы романтической эпохи («Защита Лужина», «Приглашение на казнь»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.

Козлов А. Е. К вопросу о литературной репутации Н. Д. Ахшарумова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 30–35.

Кузьмина С. Ф. Роман В. Набокова «Приглашение на казнь»: традиция – палимпсест – поэтика // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Минск: Изд-во БГУ, 2003. Вып. 2. С. 117–139.

Лаврова С. Ю. Языковая личность Н. Д. Ахшарумова в семиотическом пространстве русской литературы второй половины XIX века (к постановке проблемы) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2015. № 4. С. 100–107.

Лаврова С. Ю. Метафора шахматной игры как знаковый компонент фантазийного дискурса (на материале романа Н. Д. Ахшарумова «Игрок») // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2016. № 5 (74). С. 89–92.

Меднис Н. Е. Поэтика и семиотика русской литературы. М., 2011.

Радько Е. В. Роман В. Набокова «Приглашение на казнь»: поэтика мнимости. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Таганова Н. Л. В. В. Набоков и русская литература XIX века: мотив казни: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007.

Шкловский В. Б. О прозе. М., 1989.

Шкловский В. Б. Гамбургский счёт. СПб., 1983.

A. E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University

**«AKSHARUMOV VARIATIONS» IN RUSSIAN LITERATURE:
IN THE GRIM CASTLE OF NABOKOV**

In the final article of the research cycle «Akhsharumov's Variations» in Russian Literature a hypothetical field is introduced the ratio of two figures. «Implicative» and «explicative» links, that unite the histories of two families (Nabokov and Ahsharumov) – are considered. Dmitry Aksharumov is Fourierist and Socialist of the 1840s, he was convicted in the case of Petrashevtsy. His brother was critic and writer Nikolai Akhsharumov, not participating in the political struggle of his time, was an eyewitness and witness of events.

The article is based on a hypothesis involving the inclusion of certain biographical circumstances of the Akhsharumovs family in the aesthetic consciousness of Vladimir Nabokov. Considering the plot variations through the «history of reception» (in particular, «appropriation of the hero» and «metalepsis»), we come to the conclusion about the obvious identities in the marginal aesthetics of the fiction writer Akhsharumov and the poetics of Nabokov.

At the end of the article, a preliminary summary of the study of the Ahsharumov's variations is presented.

1. The history of the family becomes an integral part of the history of literature. A special role in this story is played by so-called «semiotics of error», associated with the imposition of spaced apart figures and subsequently determines the new plots. The arising onomastic contraction demonstrates the influence on the plot of factors from the reality that is outside of it.

2. The «infelicities» of the literary reputation, found during diachronic analysis (that is, when studying the reception history), determine the suggestive (not intertextual) field of variations that have both a retrospective (Ivan Nabokov and Dmitry Akhsharumov), both And a prospective meaning (Vladimir Nabokov and Nicolay Akhsharumov).

3. Despite some commonality of the literary career (both writers were aware of their belonging to the nobility family, both were demonstratively non-partisan, both were witnesses to the socio-political catastrophe affecting their families, both sought alternative ways in the artistic prose of their time, without limiting their horizons to existing ones Concepts, both created novels-

palimpsests (or metamorphoses), both chess players and authors of chess problems), literary destiny and literary reputation of N. D. Akhsharumov and V. V. Nabokov are different. The untimely nature of the proposed methods determined the epigone status of the writer of the nineteenth century, while Nabokov's experiments both at the level of the aesthetic conception and at the level of stylistics made him posthumous fame. That's why Nicolay Aksharumov isn't «Nabokov of 19th century».

Keywords: Aksharumov's variation plot and storyline, fiction, secondary and alternative, Russian literature of the 19th century, Nabokov.

References

- Bakhtin M. M. *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero in Aesthetic Activity]. St. Petersburg, 2000.
- Dolinin A. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina: Raboty o Nabokove* [The True Life of Sirin: Works about Nabokov]. St. Petersburg, 2004.
- Karpov N. A. *Tvorchestvo V. V. Nabokova i traditsii literatury romanticheskoy epokhi* ("Zashchita Luzhina", "Priglasenie na kazn'") [Nabokov and the romantic tradition of literature ("Protection of the Luzhin", "Invitation to the execution")]. St. Petersburg, 2002.
- Kozlov A. E. *K voprosu o literaturnoy reputatsii N.D. Akhsharumova* [On Nikolay Aksharumov's literature reputation]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2015. No. 1.
- Kuz'mina S. F. *Roman V. Nabokova «Priglasenie na kazn'»: traditsiya – palimpsest – poetika* [Nabokov's "Invitation to be executed": tradition – palimpsest – poetics]. *Nauchnye trudy kafedry russkoy literatury BGU. Vyp. II. Minsk*, 2003.
- Lavrova S. Yu. *Metafora shakhmatnoy igry kak znakovyy komponent fantaziyonogo diskursa (na materiale romana N.D. Akhsharumova «Igrok»)* [The metaphor of chess-game as semiotic component of fantastic discourse]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. No 5 (74).
- Lavrova S. Yu. *Yazykovaya lichnost' N. D. Akhsharumova v semioticheskom prostranstve russkoy literatury vtoroy poloviny XIX veka (k postanovke problemy)* [Linguistic personality of N. D. Aksharumov in Semiotic Space of Russian Literature of the 2nd Part of the XIX century]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. Cherepovets*, 2015. No 4.
- Mednis N. E. *Poetika i semiotika russkoy literatury*. Moscow, 2011.
- Rad'ko E. V. *Roman V. Nabokova «Priglasenie na kazn'»: Poetika mnimosti* [The Nabokov's "Invitation to be executed": Poetics of imaginary]. Ekaterinburg, 2005.
- Shklovskiy V. *Gamburgskiy schet* [Hamburg Account]. St. Petersburg, 1983.
- Shklovskiy V. *O proze* [About Prose]. Moscow, 1989.
- Taganova N. L. *V. V. Nabokov i russkaya literatura XIX veka: motiv kazni* [Nabokov and Russian literature of the nineteenth century: motif of execution]. Ivanovo, 2007.
- Volodina N. V. *N. D. Akhsharumov kak literaturnyy kritik: metodologicheskii aspekt* [Akhsharumov as literature critic: aspect of methodology]. *Cherepovetskie nauchnye chteniya-2016*. Cherepovets, 2017.

Kozlov Alexey E. – Senior lecturer of Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Institute of Philology, Mass-Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya St., Novosibirsk, Russian alexey-kozlov@rambler.ru)